

Наша демократія

Не нужно быть пророком, чтобы видѣть, что парламентарная демократія в Европѣ доживает послѣдніе дни. Страна за страной отрываются от демократическаго берега и бросаются в темныя волны диктатуры в поисках совершенно невѣдомаго новаго строя. В центрѣ Европы Швейцарія и Чехословакія, на сѣверѣ Скандинавскія страны с Голландіей остаются пока единственными устойчивыми островками демократіи. Теперь и Францію нельзя к ним причислить. Но ясно, что, если произойдет обвал Франціи, то никому не устоять. Уцѣлѣет, пожалуй, Англія, с ея системой тысячелѣтней давности — единственная страна, гдѣ парламентаризм туземное, а не привозное растение. Может-быть, здѣсь он сумѣет приспособиться к новым требованіям жизни, — хотя и в Англіи недовольство режимом крѣпнет, и, даже помимо слегка комических здѣсь фашистов, растет число приверженцев корпоративной или иной, новаго типа, демократіи.

Ближайшая, самая поверхностная причина, объясняющая столь легкое и повсемѣстное крушеніе демократических режимов, — это их слабость. Демократія нигдѣ не умѣла защищать себя: она погибает почти без сопротивления. В сущности, эта причина могла бы быть достаточной. Режим гнилой и ненавистный народу может существовать десятилѣтія, держась на штыках. Зато самый идеальный правопорядок не просуществует и нѣскольких лѣтъ, даже мѣсяцев, будучи беззащитным. Любой бандит имѣет больше шансов основать государство, нежели философ. Новѣйшая исторія лишній раз подтвердила эту истину. В политикѣ слабость не только несчастье, но и порок. Не умѣя защитить себя, власть тѣм болѣе не в силах осуществлять отвѣтственных рѣшеній, вести народ к творчеству новой жизни. Слабость демократіи сказалась всего сильнѣе в послѣвоенную эпоху, которая воспитала цѣлое поколѣніе на крови, приучив видѣть в насиліи добродѣтель. В этом элементарном смыслѣ демократія гибнет в Европѣ жертвой войны. Это гото-

вы признать всё её защитники, которые пытаются этим фактом смягчить горечь её утраты: демократія-де слишком хороша для нашего жестокого времени. Она воскреснет, когда мир преодолеет кровавый кошмар войны.

Однако, не одна война убивает демократію. Для нея оказывается смертельным и социальный вопрос, перед которым поставлен современный мир. Я думаю, не будет преувеличением сказать, что мы живем уже в эпоху социальной революціи, — величайшей, какія знало когда-либо человечество. Современному государству поставлены гигантскія социальныя задачи, не разрешив которых, оно гибнет. Огромная отвѣтственность, воля, работоспособность требуются от вождей народа. И в эти дни демократія разоблачает не только свою беззащитность, но и свое безволие.

В Германіи, гдѣ Гитлер пришел через демократію, она умерла уже раньше естественной смертью. Демократическій режим сдѣлался невозможным из-за отсутствія парламентскаго большинства. Парламентское большинство, которое казалось чѣм-то естественно-данным, само собою разумѣющимся в XIX вѣкѣ, теперь достигается все с большим трудом. Въ специфически англо-саксонской системы двух партій, большинство почти всегда создается лишь коалиціей партій, т.-е. цѣной компромисса. Но самая обостренность политической борьбы, самая грозность поставленных исторіей социальных проблем, дѣлает партійное соглашеніе почти невозможным. Так парламент отказывается служить, когда власть всего нужнѣе — как насущный хлѣб. Не удивительно, что народ ищет и создает ее внѣ стѣн парламента.

Исчезновеніе большинства является результатом партійной системы в обстановкѣ обострившейся политической борьбы. Эта система, непредусмотрѣнная ни в одной из конституцій, во Франціи прямо враждебная духу якобинской республики сдѣлалась жизненно необходимой для парламентаризма. Без нея политическая машина просто не может быть пущена в ход — мы увидим далѣе, почему. Но в итогѣ партійный чиновник или партійный агитатор стал типом парламентарія и поставщиком министров. А ргіогі ясно, что для партійной борьбы требуются инныя качества, чѣм для управленія государством. Крас-

норѣчіе, интриги, вѣрность доктринѣ создают карьеру партійных вождей. Для государства нужны знаніе, опыт и свобода от предвзятых мнѣній. Для большинства партій выборы и выборная борьба исчерпывают круг внѣпарламентской работы. Но в условиях современности, с ея средствами грубой рекламы и массоваго «дѣйствія», выборы развертываются в грандіозную эпопею лжи и гипнотическаго одурѣнія масс. Политическая мысль доводится до крайняго примитивизма. Лозунги сталкиваются с лозунгами, подкрѣпляемые, в лучшем случаѣ, остроуміем, в худшем и обычном — клеветою и игрою на низких страстях: классовой, національной, религіозной злобы. Демагога часто сравнивали с царедворцем. Но царедворцы бывают плохими министрами. Демагог, изучившій искусство льстить народу и вести его к урнам, не может требовать у него жертв и вести на подвиг.

Было время и столь еще близкое, что наше поколѣніе его помнит — когда политик, и именно парламентскій политик, был подлинным вождем народа. Отдавая дань демагогїи (как министр самодержавнаго монарха придворному этикету), он умѣл сохранить вѣрность идеѣ, и служеніе ей очищало его от грязи партійной борьбы. За идеи (свободы, социализма) шли в тюрьмы, умирали, жертвовали всѣм. Такие политики могли водить за собой, а не только маневрировать. Но, с одной стороны, вырожденіе идей, с другой, коррупція, вносимая в политику финансовым капиталом, убили политическїй идеализм. Тип политика измельчал. Люди культуры, просто порядочные люди все болѣе уходят из политической жизни, предоставляя ее ловким ораторам и сомнительным дѣльцам. Политика стала дѣлом презрѣнным, парламентарїи предметом глумленія. Среди них, конечно, есть не мало честных людей. Но в честность их не хотят вѣрить, как не вѣрят в честность министров выродившейся монархїи. Народ не узнает себя в своих представителях. Нельзя и вообразить, что он станет защищать их своей грудью, когда его избранные подвергнутся насилію. Но без этой готовности парламентскїй режим невозможен. Он покоится на довѣрїи и на волѣ народа, и не может держаться на публици, как монархїя — хотя бы в десять раз болѣе упадочная.

Так протекает закат демократїи. Народ ушел от нея — да-

же в тѣх странах, гдѣ она еще существует. Внѣ ея он ищет своих вождей и избранников. Потому что политика не умерла. Наша эпоха безконечно далека от политическаго индифферентизма, и, если чѣм страдает, то никак не малокровіем, а скорѣе полнокровіем политики. К великой соціальной проблемѣ наших дней — одинъ путь: чрез политическую волю, чрез концентрацію всѣхъ силъ народа в отвѣтственном и увѣренном в себѣ водительство. И вожди находятя, вожди ведут — куда?

Фашистскія диктатуры, в такой же мѣрѣ, как и коммунистическая, суть органы для соціальной революціи. Но отвлечемся сейчас от ихъ соціальной роли и взглядымся исключительно в ихъ политическую структуру. Могильщики демократіи, утверждающіе совершенно новый типъ государственнаго властвованія, какую политическую форму они несутъ с собой?

Прежде всего ясно, что, не взирая на абсолютизмъ ихъ теорій, фашистская форма государства является — по самой природѣ своей — временной и переходной. Она покоится на неограниченном личном обаяніи вождя, который в дисциплинированной партіи концентрируетъ и направляетъ революціонную энергію массъ. Но всѣ эти три момента преходящи. Вожди старѣютъ и умираютъ, партіи перерождаются, народы изживаютъ революціонную лихорадку и возвращаются к мирному труду. Кто будетъ нести государство, кто будетъ выражать «народную волю» в пореволюціонную эпоху? Теоретически здѣсь возможны три случая. Или фашизмъ есть мостъ к цезаризму, к наследственной имперіи, гдѣ вчерашняя партія перерождается в бюрократическій аппаратъ. Тогда впередѣ слишкомъ знакомая полоса абсолютизма с его возможностями технической цивилизаціи, но с непремѣнным отмираніемъ политики и, постепенно, всякаго динамическаго напряженія в духовной культурѣ. — Новая имперія Діоклетіана-Константина, как ея провидитъ Шпенглеръ. Второю возможнымъ исходомъ — это партія, «отбор», который увѣковѣчиваетъ себя в качествѣ новой аристократіи организаторовъ труда. Онъ становится новымъ классомъ или даже кастой — быть можетъ, наследственной. В перспективѣ сначала духовная, а потомъ, можетъ-быть, и физическая деградація массъ, поработенныхъ новымъ «сверхчеловѣчествомъ». — Это одна из утопій Уэльса. И, наконецъ, остается третья возможность — демократической

эволюціи фашизма. Эта возможность заложена в создаваемой им корпоративной (или совѣтской) системѣ. Если она окажется достаточно жизненной, то именно она может пережить и замѣнить сошедшаго со сцены вождя и выродившійся партійный отбор. Но корпорація строится снизу, это форма организаци и самоуправленія трудящихся масс. Сама из себя она способна создавать и квалифицированный отбор и вождей — необходимые, по Аристотелю, аристократическій и монархическій моменты всякаго, и демократическаго государства. Тогда фашизм будет лишь переходной ступеню к новой, корпоративной или социальной демократіи. И это единственный, по нашему убѣжденію, исход, который спасает европейское человѣчество — или, по крайней мѣрѣ, создает социальныя условія для спасенія — от гражданской смерти.

Мы исходили из предположенія об имманентной эволюціи фашизма. Если в этот процесс вмѣшается революціонный фактор, он может воздѣйствовать в пользу демократическаго исхода. И, наконец, у демократіи есть еще не малыя площади на политической картѣ Европы и Америки, гдѣ она вольна распорядиться своей судьбой: вольна избавить свои народы от горькой чаши тираніи и сама выполнить ту задачу, которую — выполнит или нѣтъ фашизм, неизвѣстно, — но которую он провозглашает своим дѣлом. Эта задача двойная: экономическое преобразование общества и созданіе новых политических форм социальной демократіи. И мы видим, что Америка в серьез и вплотную подошла, по крайней мѣрѣ, к первой из этих задач. Итак, вопреки очевидности сегодняшняго дня, мы убѣждены, что для демократіи не все потеряно. Что ей принадлежит будущее. Когда разсѣется пыль, окутывающая мѣсто стройки, когда уберут лѣса, новое зданіе европейскаго общества — столь же отличное по своему стилю от XIX вѣка, как архитектура Лекорбюзье от класической *Chambre des députés* — будет все же новой формой демократическаго, а не иного государства. Демократія умерла, да здравствует демократія!

Для большинства, как друзей, так и врагов демократіи в наши дни она неразрывно связана с формулами XIX вѣка. Ея защитники и противники берут ее *en bloc* — так, как она сложилась в буржуазно-парламентарных странах уходящей эпохи.

От того имя ее стало теперь ненавистным для новых поколений. Партия, которая рискнула бы теперь написать на своем знамени демократію, даже нео-демократію, теряет много шансов на популярность. «Новый Град» не партия, «Новый Град» не популярен, нам нечего терять, и потому мы защищаем демократію.

Но, защищая, прежде всего необходимо опредѣлить ее. Что мы считаем постоянным и существенно цѣнным содержанием этой идеи в измѣнчивости ее исторических форм? Историк всегда говорит о демократіи в ином, болѣе широком смыслѣ, чѣм политик. Для послѣдняго она явленіе конца XIX вѣка, для перваго она дана в республиках древней Греціи и Рима, в средневѣковых коммунах, в Великом Новгородѣ — в таких формах, которыя имѣют мало общаго с современным парламентаризмом. Что же такое демократія?

Я отвлекаюсь от чисто социальнаго пониманія ее, как строя, дѣйствующаго в интересах народных масс, низов народа. В этом смыслѣ фашизм и коммунизм, конечно, демократичны, — как, может-быть, демократичны по своим тенденціям древне-московское царство и диктатура цезарей. В политической демократіи народ является чѣм-то большим, чѣм объектом попеченія власти. Демократія сама есть власть народа. Источником власти в ней является народная воля. Из этих понятій, смысл которых теперь почти утрачен, надо исходить. Попробуем анализировать понятіе власти или воли народа, чтобы найти его политическую сердцевину. Миѣ думается, что оно содержит ~~въ~~ равно необходимые идеи. Первая относится к символу, вторая к социальной дѣйствительности. Символ в политикѣ не послѣдняя вещь. Для иных форм, например, для монархій, — это все. Монархія живет исключительно силой ирраціональнаго символа. Но и демократія живет ею, и когда мистика символа умерла, вырождается в политическую форму. Этот символ, эта мистика в демократіи есть имя народа. В демократіи все вершится именем народа, как в Англіи именем короля (почему Англія и не может быть чистой демократіей). Народ мыслится живой личностью, болѣе глубокой и мудрой, чѣм всѣ составляющія его личности — «сыны народа». Его волю, нерѣдко глубоко скрытую, нужно найти

и исполнить. Если эта воля может погрѣшать, то она же несет в себѣ и возможность искупленія. Эта мистика народа, существовавшая в язычествѣ и в христіанствѣ, у нас всего ярче выражена была славянофилами, которые не зря связывали ее с идеей соборности. Позитивизм к ней слѣп и глух. Он пытается «очистить» демократію от ея мистическаго привкуса, и этим подрубает самые ея корни.

Этой мистики демократіи, однако-же, недостаточно. Мы знаем, что славянофилы не были демократами, ибо передавали царю всю силу власти. Необходима политическая реализація «народной воли». Как опредѣлить ее? Всеобщим голосованіем? Плебисцитом? Но плебисцит, устанавливающий имперію Наполеона, кладет конец демократіи. Римская имперія всегда хранила память о своем происхожденіи из народной воли. Декреты сената и военныя прононціаменты, передававшія неограниченную полноту власти новому цезарю, свидѣтельствуют о демократическом происхожденіи принципата. Но принципат не демократія. Вѣрно то, что голосованія, независимо от их содержанія и формы, составляют неотъемлемую черту демократической техники власти. Но суть не в них, а в чем-то, что лежит за ними. Это «что-то» мы могли бы опредѣлить, как самоуправляющійся народ. В демократіи народ не слагает с себя заботы об «общем дѣлѣ» — *res publica*, — но весь, в полном составѣ своих граждан, несет государственное служеніе и государственную отвѣтственность. Конечно, это служеніе ложится не на всѣх в одинаковой мѣрѣ: не одинакова и та политическая отвѣтственность, которая падает на каждого. Еще важнѣе подчеркнуть, что самоуправленіе народа, проведенное послѣдовательно, принимает формы не только государственнаго народовластія, но и мѣстнаго, муниципальнаго и профессионально-хозяйственнаго самоуправленія. И послѣднія, частныя формы, быть может, для народных масс являются болѣе существенными, чѣм высокая политика, участіе в которой всегда грозит сдѣлаться номинальным для непосвященных. Во всяком случаѣ, лишь на основѣ частных самоуправленій может строиться политическая власть народа. Без этой основы демократія ничѣм не защищена от перерожденія в цезаризм. Для демократіи существенно, чтобы каждый гражданин в той или

иной формѣ, свободно и активно участвовал в организаци и творествѣ «народной воли». Номинальное равенство в этом участіи (достигаемое счетом голосов) является лишь одной из разновидностей демократическаго принципа, характеризующей демократію новаго времени, но никак не всѣ историческія формы ея.

Среди основоположных цѣнностей демократіи в наше время часто указывают на неотъемлемость личных прав и свобод. В порядкѣ цѣнностей свобода личности для христіанскаго политика стоит безспорно на первом мѣстѣ: она превышает всѣх политических форм. Но сама она не является политической формой, тѣм менѣ связанной непременно с демократіей. В нашу эпоху демократія воспріяла свободу личности в наслѣдіе от буржуазнаго либерализма, который совсѣм еще недавно противопоставлялъ себя демократіи (Токвиль). Но тема свободы — от государства — совершенно иная, чѣм тема власти — в государствѣ. Поэтому в дальнѣйшем мы совершенно отвлекаемся от момента свободы и говорим о демократіи лишь в смыслѣ самоуправляющагося народа, именем народа осуществляющаго государственную власть.

Современная демократія, дважды рожденная — пуританской революціей в Англии и якобинской во Франціи — несет в себѣ печать неизгладимой двойственности, — хочется сказать, двуличія. Первично-христіанское благородство ея глубоко искажено прививкой атеистическаго материализма XVIII вѣка. В этом отношеніи она вполне раздѣляет судьбу свободы. Свобода, рожденная под знаком христіанской свободы совѣсти, скрестилась с буржуазной свободой торговли (третья линия родословной ведет к феодальной свободѣ лица). Экономическая свобода, сдѣлавшаяся невозможной в наше время, психологически скомпрометировала и христіанскую свободу совѣсти. Наш долг — христіанских свободолюбцев — очистить нашу свободу от сомнительных примѣсей, размежеваться с буржуазной свободой собственности. Но та же задача стоит перед нами и в отношеніи демократіи. В предыдущем номерѣ «Новаго Града» мы пытались установить вѣчныя христіанскія основы демократіи: идею народа Божія, соборно ищущаго и осуществляющаго Его волю. Не останавливаясь сегодня на этом иде-

альном ликѣ демократіи, посмотрим, в чем буржуазный рационализм исказил его и как должна его выпрямить чаемая нами новая демократія.

Эти искаженія, всѣ вытекающія из атомистическаго представленія об обществѣ и из борьбы интересов как содержанія политики, могут быть сведены к трем основным заблужденіям.

1. Участіе во власти есть право и интерес каждой личности. Человѣческіе особи-индивидуумы, равные в своих правах и функциях, строят государство путем борьбы и соглашеній, для защиты своих интересов. Политическій индивидуум-гражданин вырывается из всѣх органических социальных ячеек и групп, в которых протекает его жизнь, и одиноко противостоит государству в выраженіи своей политической воли. Воля народа есть сумма или арифметическая функція всѣх частных волей. Отсюда стремленіе современной демократіи к скрупулезному выравниванію шансов (голосов) отдѣльных волей — что, дѣйствительно, достигается всего совершеннѣе в системѣ всеобщаго, равнаго и прямого голосованія. Но так как очевидно, что всѣ выраженія личных волей, по своей дробности и необозримому множеству, не могут быть сведены к единству, то граждане объединяются в территориальные округа, не по общности мѣстных интересов (средневѣковый принцип), а просто по смежности. Но и ограниченные локально округа все же слишком обширны, чтобы граждане сами могли договориться о кандидатах. Отсюда посредничество партій, которыя берут на себя выраженіе коллективных волей. Без партій современная демократія существовать не может, но партіи явно и жестоко искажают выраженіе индивидуальных волей. Дѣйствительно, за исключеніем немногочисленных членов партійных организацій, остальные граждане лишь в нѣкоторых пунктах раздѣляют взгляды той партіи, за которую они голосуют. Большинство, быть может, раскалывается почти равным обращеніем к конкурирующим программам и в концѣ концов голосуют не за свой политическій идеал, а за наименьшее зло. В результатѣ та парадоксальная ситуація, которую мы видим в наши дни. Парламент, вышедшій из всеобщаго голосованія, может вовсе не пользоваться довѣріем страны — быть одинаково

противным большинству граждан, которые, обманутые посредничеством партій, не видят в нем собранія своих избранников. Попытки исправленія територіальной системы представительства введеніем пропорціональнаго принципа лишь закрѣпляют господство партійнаго режима.

2. Представительство народа, его законодательный корпус, должно быть возможно точным отраженіем интересов и настроеній в странѣ. Политическая карта парламента есть повтореніе, в уменьшенном масштабѣ, политической карты страны. Пропорціональная система является идеалом этого соответствія. Но из этого принципа прямо вытекает невозможность построенія общей воли — воли народа. Партійное большинство, как мы знаем, есть явленіе рѣдкое, скорѣе исключеніе, чѣм правило, при развитой партійной дифференціаціи. Депутаты, связанные своей программой — часто императивным мандатом партій, — не имѣют ни воли, ни даже права на соглашеніе, которое представляется измѣной партіи и избирателям. Так національное единство разбивается в куски в угоду борющимся за власть кликам, из которых ни одна не может обезпечить себѣ побѣды.

3. Власть, т.-е. исполнительная власть, есть приказчик народа. Она должна держаться в строгих рамках данных ей инструкцій. Организованное недовѣріе к власти и самый придирчивый контроль ея считаются добродѣтелью демократіи. В нѣкоторых странах (французскаго типа) постоянная смѣна правительства является результатом этого контроля. В итогѣ у правительства нѣтъ ни времени, ни свободы дѣйствій ни для одной широкой и ответственной реформы. Текущія дѣла и борьба за самосохраненіе исчерпывают энергію политиков, стоящих у власти, как борьба за власть — вождей оппозиціи. Оттого-то парламентскіе режимы оказываются неспособными ни к проведенію соціальной реформы, ни даже к самозащитѣ от революціи.

Всѣм этим демократическим ересям мы противопоставляем слѣдующія положенія, вытекающія из нашего пониманія органической демократіи.

1. Участіе во власти не есть право личности, а ея долг. Власть не пирог, который дѣлится между сотрапезниками, не акціонерная компанія для общей прибыли. Власть общее дѣ-

ло, требующее общих жертв. Власть народа строится, исходя из цѣлаго, а не из его частей. Народ осуществляет свою волю через посредство своих естественных или создаваемых им органов — групп, из которых слагается социальное тѣло. Через эти группы личности связаны с государством. Их прямое дѣйствие (подобно плебисциту) является исключеніем. Косвенность выборов (выраженіе, имѣющее смысл лишь с индивидуалистической точки зрѣнія) есть иное выраженіе того же самого факта, что группы, а не личности являются политическими органами государства. Равенство избирательных голосов не может быть учтено в органической системѣ и оно не является даже идеалом, ввиду неравенства сил для служенія общему дѣлу. Всеобщность голосованія остается постулатом социальнаго воспитанія, как школа общей жертвенности, общей работы и общей ответственности. Законные интересы личности обеспечиваются при этом ея правами, а не ея властью. Независимо от доли своего политическаго вліянія, она имѣет неприкосновенную для государства и общества сферу свободы, — свое святая святых, — у порога котораго, как в средневѣковомъ иммунитетѣ, останавливается всякій агент государства.

2. Представительство народа есть отбор лучших — мудрых и справедливых — для отысканія и творчества (а не выраженія) народной воли. Народная воля не дана непосредственно. В наличности имѣется лишь хаос противорѣчивых мнѣній и интересов. Построить политическій порядок из этого хаоса есть творческая задача, выходящая далеко за предѣлы компромисса. Всякая политическая проблема (дипломатическая, хозяйственная, административная) есть прежде всего проблема совершенно подобная научной, художественной или технической задачѣ. Никакой подсчет мнѣній или их балансированіе не приблизит нас к рѣшенію задачи, которая дается только творческимъ усиліем. Момент соборованія, т.-е. сосредоточенія общихъ воль, направленныхъ к единой цѣли, может быть могущественнымъ фактором, и в немъ сила и правда демократіи. Но для него должны быть даны непремѣнныя условія. Прежде всего, искомое рѣшеніе до самаго конца должно оставаться неизвѣстнымъ. Ни граждане, посылающіе депутатов, ни депутаты,

собравшіеся вмѣстѣ, еще не знают — не должны знать (могут лишь догадываться) об идеальном рѣшеніи, которое они примут. Ибо это рѣшеніе должно сложиться в итогѣ общей работы. Способность переубѣждаться, готовность к отказу от всѣх своих привычных идей и предрасудков должна быть первой добродѣтелью народнаго избранника. Теперь он боится измѣнить партіи и предает народ. В органической демократіи единственным, связывающим его мандатом, будет его совѣсть и его пониманіе общаго блага. Легко видѣть, что этому идеалу современный парламент удовлетворяет в меньшей степени, чѣм даже совѣтъ средневѣковаго или абсолютнаго монарха — Боярская Дума древней Руси или Витанагемот англо-саксонских королей.

Из сказаннаго слѣдует, что выборы должны быть построены не на оцѣнкѣ программ, а личных качеств кандидатов. Лишь общія направленность его идей может быть учтена при выборах. Но выборы на основѣ личной годности осуществимы лишь в узких группах, связанных общностью жизни и работы, т.-е. всего естественнѣе в группах профессиональных. Партіи могут существовать как лиги для пропаганды извѣстных идей. Во всяком случаѣ избранный не может принадлежать ни к какой партіи или обязан выйти из партіи в момент избранія.

3. Власть есть водительство народа, а не служба приказчика, выполняющаго хозяйскія указанія. Власть получает от народа лишь общія заданія, лишь цѣли для политическаго дѣйствія. В отысканіи нужных средств, зависящих от измѣнчивой политической обстановки, в энергіи и тактѣ примѣненія этих средств заключается политическое искусство властвованія. Ибо власть есть искусство, и талантливый вождь подобен художнику. Всякое дѣло может быть испорчено неловким выбором средств. Безтактность вождей или стоящих за ними групп может вызвать, на примѣр, войну, которой не хотят ни они, ни народ. Раз выбранная из многих возможностей линія поведенія должна проводиться послѣдовательно, не считаясь с критикой, которая исходит из совершенно иных предпосылок и не обладает нужной компетентностью. Это значит, что власть должна быть сильной, независимой от Совѣта законодателей и отдавать отчет в своих дѣйствіях лишь по истеченіи достаточ-

наго срока своих полномочій. Создается ли она избраніем законодателей или плебисцитом всего народа, это вопрос второстепенный, хотя, при исключеніи партій из избирательной борьбы, плебисцит возможен лишь при высокой политической сознательности масс. Современный американскій президент или римскій консул всего болѣе удовлетворяют идеалу сильной демократической власти. Впрочем и политическое развитіе Англии движется в том же направленіи.

Таковы общіе принципы, которые ложатся в основу «неодемократіи». От них до конкретнаго проекта государства дистанція огромнаго размѣра. Она может быть заполнена не теоретическим прожектерством, а политическим опытом. Но этот опыт в самых разнообразных (в том числѣ и демократических) режимах согласно указывает на то, что формой новой демократіи призвана стать демократія корпоративная или синдикальная. Сама по себѣ база органической демократіи может быть различна: родовая, семейно-племенная на зарѣ исторіи, цеховая в Средніе вѣка, территориально-областная в эпоху, когда квартал, деревня, город, область были живыми коллективами. Современный человек из всѣх социальных связей сохранил и развивает преимущественно связи профессионально-корпоративныя. Профессиональная структура является единственным наследником, которому умирающая партійная демократія может передать свое наследство.

Корпоративная демократія еще не родилась, но уже подвергается острой критикѣ. Указывают, что представительство профессій узаконяет борьбу интересов и разлагает государственное единство. В идеѣ, корпорация является представительством не интересов, но призваній, различных форм социального служенія. Однако было бы фантастическим идеализмом закрывать глаза на возможность между-профессиональной борьбы. В извѣстных границах социальная борьба несет в себѣ условія движенія, прогресса. Гармоническое общество невозможно: да оно являло бы картину застоя. Необходимо лишь, чтобы идея цѣлаго господствовала над всѣми частными идеями. В государствѣ корпораций идея цѣлаго представлена центральной властью, и сильная, независимая власть, особенно в первый період новаго режима, является необходимостью.

Извѣстный противовѣс опасностямъ корпоративнаго строя можетъ быть найденъ въ дуализмѣ представительства. Вторая палата можетъ быть построена на территориальномъ началѣ. Территоріи не до конца утратили свой органическій смыслъ, и ихъ представительство, какъ органовъ народнаго самоуправленія, избранныхъ на основѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права, можетъ дополнить представительство профессій. Если демократическимъ странамъ суждено избѣжать фашистской революціи, то ихъ социальная перестройка естественно должна начаться съ присоединенія къ парламенту новой «экономической», корпоративной палаты. Совмѣстное ихъ существованіе, съ неизбѣжнымъ расширеніемъ функций младшей сестры, на опытѣ покажетъ силу и слабость новой системы. Въ Совѣтской Россіи исходнымъ моментомъ для развитія новой демократіи является совѣтскій строй, который представляетъ сочетаніе профессиональнаго и территориальнаго представительствъ. Въ этой области все принадлежитъ эксперименту. Доктринерство корпоративизма можетъ быть такъ же опасно, какъ доктринерство парламентаризма.

При этомъ никакъ нельзя забывать, что весь смыслъ корпоративнаго государства — въ осуществленіи трудового социальнаго строя. Повторяемъ сказанное выше: въ наше время политика есть функція экономики. Самое остроумное рѣшеніе политической проблемы бесполезно, если оно не приведетъ къ радикальному пересозданію общественной, прежде всего экономической, жизни. Сила и значеніе корпораций въ политикѣ всецѣло зависятъ отъ той роли, которую онѣ будутъ играть въ хозяйственной жизни народа.

И, наконецъ, послѣднее — и самое важное замѣчаніе. Не достаточно и социальной революціи, чтобы созданный ею социально-политическій строй явился органическимъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ строй буржуазный. Органичность не прокламируется декретами, не создается революціями. Напротивъ, революціи по существу своему враждебны органикѣ и скорѣе разрушаютъ всѣ остатки органическаго быта. Явный порокъ коммуно-фашизма — въ томъ, что онъ подмѣняетъ внутреннюю органичность новымъ механизмомъ, замѣняя страшнымъ механическимъ давленіемъ государства отсутствіе внутреннихъ скрѣпъ. Нельзя на-

дѣяться, что под длительным дѣйствіем прессы атомы личностей образуют новыя органическія ткани. Скорѣе всего, они засохнут и умрут, ставши элементами новаго робота — государства, — если новая духовная революція не остановит и не повернет назад этот механизмирующий поток. Дух должен проснуться в человѣкѣ. Из единого духовнаго центра должна строиться вся его жизнь. Всѣ социальныя отношенія должны вновь сдѣлаться, как нѣкогда, органами религіознаго всеединства, чтобы правда об органическом обществѣ не превратилась в новую ложь. Фашизм смутно предчувствует эту правду, но — самое послѣднее порожденіе механическаго вѣка — несет в себѣ новыя опасности духу, еще не до конца задохнувшемуся в буржуазном тлѣніи. Только христіанство может дать крылья рождающейся социальной демократіи и спасти ее, а вмѣстѣ с нею всю культуру старой Европы от титаническаго шпенглеріанскаго заката.

Г. Федотов.